

7. Federalnyy zakon ot 21.11.2011 № 324-FZ (red. ot 28.11.2015) «O besplatnoy yuridicheskoy pomoschi v Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2011. № 48. St. 6725.

8. *Habalev V. D.* Yuridicheskaya klinika kak forma praktiko-orientirovannogo obucheniya // Pravo i praktika. 2017. № 1 (16). S. 65–68.

И. С. Куликова, Д. В. Салмина

ОТ МЕТАФОРЫ К ТЕРМИНУ (На примере метадиалекта Б. М. Гаспарова)

В статье на материале предлагающей непарадигмальный взгляд на язык и насыщенной метафорами монографии Б. М. Гаспарова исследуется гипотеза о неизбежном вовлечении окказиональных метафор в процесс образования авторских терминов. Последние занимают ключевые позиции в определенных фрагментах метадиалекта Б. М. Гаспарова. Особенности терминологизации метафор Б. М. Гаспаровым как ученым-филологом продемонстрированы на конкретных примерах. Следствием ярко выраженной индивидуальности научного мышления исследователя является неодинаковая степень терминологичности его метафор, часто ослабленная по сравнению со стандартами лингвистического научного текста.

Ключевые слова: аналогия, диссипативная дефиниция, окказиональная метафора, сравнение, степень терминологичности, терминологизация метафоры, авторский термин.

I. Kulikova, D. Salmina

FROM A METAPHOR TO A TERM (Through the example of Boris Gasparov's metadialect)

Based on Boris Gasparov's monograph, which presents the researcher's non-paradigmatic view of language and is rich in metaphor, the authors of the paper hypothesise that the occasional metaphor is an integral part of a researcher's terminology formation process. Such terminological metaphors occupy key positions in certain fragments of Gasparov's metadialect. Examples are provided to illustrate specific features of terminological metaphors that Gasparov produced, characterising him as a professional philologist. As a consequence of the researcher's pronounced individuality of scientific thinking, his metaphors show different degrees of terminologisation, often diverting from the general standard of a linguistic scientific text.

Keywords: analogy, dissipative definition, occasional metaphor, comparison, the degree of terminologisation, terminologisation of metaphor, author's term.

Рассуждая о метафоре в научном тексте, совершенно невозможно обойти книгу Б. М. Гаспарова «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования». Приведем без комментария один характерный пример из многих подобных:

Образы отдельных выражений, соприкоснувшись в процессе **развертывания** высказывания, тут же **сливаются**, вызывая некую более общую

картину, в составе которой каждый из них фигурирует не по отдельности, но в качестве **аксессуаров** этой **синтезирующей картины**; в процессе своего **слияния** в новое целое образные **отклики** мгновенно **адаптируются** друг к другу, **летуче** изменяют свои **очертания**, **перестраиваясь** в качестве компонентов вновь возникающей **картины**, — так что в конечном счете все высказывание, и даже вся коммуникация в целом, предстает в виде синхронизированного **образного ландшафта** [4, с. 278].

Для такой «сверхметафоричности» есть, как нам кажется, две причины. Во-первых, срабатывает мысль М. А. Бурмистровой о возможном контрасте метафорической насыщенности «между научными трудами, где описывается уже устоявшаяся область научных исследований, и работами, описывающими совершенно новый и мало изученный объект» [3] или, добавим от себя, представляющими известный объект в непарадигмальном ключе. Монография Б. М. Гаспарова, несомненно, принадлежит к последнему типу. Во-вторых, это исследование гуманитария широкого профиля, значительно более, чем «чистый» лингвист, стилистически раскрепощенного, для которого способ выражения мысли с помощью языка образов органичен. Но все же нельзя не признать обоснованным и высказанное той же Бурмистровой опасение: «Если обсуждаются абстрактные понятия, то при избыточном использовании прямых метафор автор рискует сделать текст невоспринимаемым для читателя» [3], поскольку ослабляется коммуникативная функция метафор. Как видно из приведенного примера, языковые метафоры, традиционные филологические клише и собственно авторские метафоры различных моделей, неоднократно повторяясь и варьируясь, не просто насыщают, но перенасыщают текст Б. М. Гаспарова, делая восприятие интринснейшей научной концепции непростым делом.

Однако не менее очевидно и то, что все метафоры выполняют в этом тексте гносеологическую функцию «инструмента, позволяющего пополнить семантические ресурсы научного разума и сформировать новые теоретические смыслы на основе категориального сдвига» [5], «уподобляют гетерогенное и отождествляют подобное, чтобы синтезировать новое понятие» [12, с. 194], и более того, создают новую модель языка-объекта — «языковое существование». «Гносеологическая метафора, представляющая объект исследования, ока-

зывает влияние на формирование терминосистемы, репрезентирующей эту модель» [8, с. 268], и при такой насыщенности текста когнитивными метафорами естественно ожидать их включение в процесс терминообразования внутри данного текста, данного метаидиолекта. Любой ученый «в рамках научного дискурса обязан вступать в диалогические отношения с уже имеющимися концепциями, теориями, идеями, представленными в других научных текстах», что может проявляться как в терминологических связях, так и в использовании общих метафорических моделей [7, с. 41]. В содержательной и неоднократно цитируемой статье А. Д. Плисецкой когнитивные метафоры Б. М. Гаспарова рассматриваются в сравнении с метафорами В. В. Виноградова и А. М. Пешковского. Автор делает, в частности, следующее заключение: «Гаспаров через полвека воспринимает на концептуальном уровне идеи Виноградова о языке именно как о живом организме, стихии, подверженной глобальным изменениям, естественном потоке» [9].

Статья Плисецкой ценна и тем, что все выводы верифицируемы: в приложении («Раздаточном материале») представлены тематически упорядоченные списки метафор каждого из трех авторов. В материалах Гаспарова наше внимание привлекла рубрика «термины, полученные путем метафоризации», включающая всего 6 единиц. В соответствии с теоретическими установками статьи автор не ставил перед собой задачу дифференцировать собственно авторские термины-метафоры (*пластичность* и *шов*) и традиционные, в разное время закрепившиеся в науке (*среда*, *фундамент*, *ткань*, *пространство*) [9], тогда как предмет нашего изучения — именно авторские метафоры, ставшие терминами.

Однако в столь нестандартном текстовом пространстве и традиционные метафоры, в том числе терминологизированные, могут приобретать авторское своеобразие.

Это можно увидеть, в частности, на примере метафоры *языковая ткань*. Традиционно она восходит к значению ‘тканая материя, материал’ [11], что предельно обнажено в следующем примере из работы В. Гумбольдта: *Язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая — со всей тканью в целом*. Для Б. М. Гаспарова языковое существование — это жизнь, стихия, а не организованный грамматиками и словарями артефакт; поэтому традиционный образ трансформируется, раздваиваясь: с одной стороны, в текстовую парадигму этой метафоры входят слова семантического поля «ткань как материя» (*сшивать, разрывать, сотканный, кусок, обрывок, узор*), а с другой — слова, ассоциативно связанные с биологическим термином (см. МАС), то есть с понятием живой, органической ткани (*разрастаться / разрастание, движение, сращение, накладывать шов, операция наложения шва*). Например:

Лишь очень внимательно взглядевшись в **движение языковой ткани**, начинаешь замечать, как идиосинкретичны, как далеки от структурной пропорциональности соотношения словоформ в составе, на первый взгляд, совершенно «тождественных» парадигм [4, с. 208].

К авторским терминам-метафорам в списке Плисецкой отнесены только две единицы, тогда как в предметном указателе монографии их более десятка: *амальгамирование, коммуникативная заряженность, коммуникативный контур, конгломерат памяти, «ландшафтный» характер коммуникативного пространства, маскировка, палимпсестный образ, пластичность, речевой шов, смысловая «плазма», фокусированность* [4, с. 349–351]. Из не включенных в указатель добавим *броуновское движение, компромиссное соединение, образный отклик*. Такая лакунарность этой части списка входит в противоречие с нашей творческой гипотезой, с тем, что именно

базисные метафоры являются основой гносеологического механизма в тексте, который «задает новый ракурс рассмотрения научного объекта» [см. 8, с. 79], приводит «на смену изучению языка как независимой и абстрактной системы знаков» «комплексное изучение языка, психологии, философии и других гуманитарных дисциплин, в центре которого — неповторимая человеческая личность» [9].

Невозможно в рамках статьи остановиться на всех перечисленных терминологизированных метафорах. Нами будут рассмотрены, во-первых, общие условия превращения метафоры в термин, во-вторых, конкретные термины *пластичность, речевой шов* и *ландшафт*, которые не только представлены наибольшим количеством употреблений, но и наиболее очевидно принадлежат одновременно «и “жизненному миру”, и миру теоретических конструкторов» [5], а потому их путь к термину особенно тщательно проработан Б. М. Гаспаровым.

Самый простой способ терминологизации метафоры — непосредственное сопровождение ее дефиницией. Однако Гаспаров практически не пользуется ее классическим родовидовым типом, в чем можно убедиться на примере определения главного термина концепции: *Вот эта наша никогда не прекращающаяся жизнь «с языком» и «в языке» и есть то, что я предлагаю назвать **языковым существованием*** [4, с. 5]. Обращает на себя внимание здесь и в некоторых приводимых далее определениях открыто заявленное авторство термина; *я предлагаю, я буду называть, мы будем называть*.

Из терминологизированных метафор дефиницию, наиболее близкую к логической, а главное — наиболее полную, получают термины *коммуникативный контур* и *маскировка*:

Целостный прототипический образ, непосредственно узнаваемый говорящими в качестве эскиза конкретных высказываний, обладающий кон-

кретной ритмико-мелодической конфигурацией, словесным потенциалом, коммуникативной направленностью, стилевой и жанровой принадлежностью, я буду называть **коммуникативным контуром высказывания** (КВ) [4, с. 193];

Маскировка является типичнейшим приемом, широко употребительным при компоновке различных коммуникативных фрагментов в целое высказывание. Сущность этого приема в том, что неловкость соединения <...> не устраняется вовсе, но подается таким образом, обставляется такими аксессуарами, которые делают ее менее заметной [4, с. 181].

Определения некоторых терминов заменяют фактически попутные толкования метафорического значения слова. Например:

Каким образом гигантский склад частиц языковой материи, хранящихся в памяти говорящего, превращается в **конгломерат** — некое целое, но притом целое подвижное, не заданное раз и навсегда в своем строении? [4, с. 103];

...я могу положиться на **протенистическую способность образа** сохранять свою идентифицируемость в бесчисленных перевоплощениях [4, с. 285];

...каждое новое высказывание «пишется», как **палимпсест**, поверх предыдущих высказываний [4, с. 35].

Еще одна особенность гаспаровских определений — их диссипативность, «размазанность» по тексту (воспользуемся термином и образом Ю. Н. Караулова). Таковы дефиниции-характеристики терминов **палимпсестное наложение** (палимпсест) и **амальгамирование**, что связано, полагаем, с возможной агнонимией слов-оснований метафор, имеющих узкоспециальную сферу употребления.

Так, **палимпсест** — термин палеографии: «древняя рукопись на пергаменте, написанная по смытому или соскобленному тексту» [11], а помета *лингв.* кажется обманчиво расширенной. Помимо приведенного выше определения, в тексте предлагаются еще три его частично повторяющихся описания, причем последнее — с использованием наглядного сравнения:

Мне кажется, что характерной — хотя, быть может, не обязательной — чертой образного отклика, вызываемого тропом, является эффект **палимпсестного наложения одних образных представлений на другие** (1). Не только различные аспекты образного представления — картинный, иероглифический, кинетический, графический — **могут соучаствовать** (2) в создании той или иной образной проекции, но и сами эти различные проекции способны выступать в представлении говорящего **во взаимном наложении — как бы в виде нескольких фотографических снимков, снятых на один кадр** (3) [4, с. 263–264].

В результате читатель получает полное обоснование метафоры-термина.

Существительное **амальгама** имеет не только специальное прямое значение («сплав какого-л. металла с ртутью или раствор металла в ртути»), но и переносное значение «сочетание, соединение чего-л. разнородного». В этом значении оно встретилось нам в рассуждении Л. В. Щербы о роли церковнославянизмов: *Амальгама, которая получилась в русском языке, так органична, что она до сих пор далеко не всегда раскрыта в своем генезисе* [14, с. 125] и однажды (в нетерминологической функции) — в тексте Гаспарова: *Слова как будто «выпадают в осадок» той амальгамы, которую представляет собой языковая память говорящего субъекта и ее непрерывное ассоциативное коловращение* [4, с. 207–208].

Для дальнейшего рассуждения представляется полезной следующая мысль А. Ю. Фетисова: терминологизация метафоры не ограничивается субстантивом и «может иметь также и адъективное, и глагольное выражение, поскольку прилагательное и глагол выводят в поверхностную структуру те признаки, которые были положены в основу метафорической абстракции» [13, с. 133]. У Гаспарова терминологический статус получает как раз не существительное **амальгама**, а отглагольное образование **амальгамирование** от узкоспециального глагола **амальгамировать** — «Сплавить

(сплавлять) какой-л. металл с ртутью; растворить (растворять) металл в ртути. || Покрыть (покрывать) слоем амальгамы' [11]. Фрагмент, подтверждающий его терминологичность, достаточно обширен и представляет собой описание терминованного понятия с семью диссипативными элементами определения (они пронумерованы):

Амальгамирование представляет собой еще более сложное и **хаотически-множественное**, по сравнению с контаминацией, **преобразование исходных коммуникативных фрагментов** (1) <...>. Но в случае **амальгамирования** некоторые из вовлеченных в процесс компонентов вовсе **не присутствуют непосредственно в получившемся результирующем выражении. Их участие проявляется лишь в виде отсылки-намека** (2); однако эта отсылка, косвенно включающая исходный компонент в состав получившегося целого, необходима для опознания этого целого. Все эти смыслообразующие компоненты **важны не каждый сам по себе, а в качестве целого поля** (3). В этом поле **они находятся во взвешенном состоянии**, как бы в виде **амальгамы** (4): <...> и число отдельных частиц, и соотношения между ними остаются неопределенными. Когда я говорю об аналогии, контаминации и **амальгамировании** как трех типичных процессах **пластического преобразования стационарных фрагментов языковой ткани** (5) в ходе их употребления, я не имею в виду, что в каждом конкретном примере <...> имеет место только один из этих процессов <...>. С другой стороны, даже в самых сложных примерах **амальгамирования** **всегда проглядывают некоторые узнаваемые прецеденты** (6) — они-то обычно и служат отправными пунктами, от которых **разворачиваются целые поля более отдаленных и опосредованных аллюзий** (7) [4, с. 162].

Можно ли из этих отдельных компонентов составить полноценную дефиницию? Думается, можно, хотя получится, скорее всего, нечто избыточно громоздкое. Смеем, однако, предположить, что термин-метафора **амальгамирование** в такой дефиниции не нуждается, уподобляясь в этом сложной художественной метафоре. Отметим также, что терминологический статус

метафоры в данном случае поддерживается ее двукратным включением в парадигму бесспорных терминов: *...я говорю об **анalogии, контаминации и амальгамировании**; ...различие между примерами, которые мы квалифицировали как «**анalogию**», «**контаминацию**» и «**амальгамирование**»...* [4, с. 162].

ПЛАСТИЧНОСТЬ. В отличие от *палимпсестности* и *амальгамирования*, метафора **пластичность**, включенная в предметный указатель базовых понятий и терминов, отличается абсолютной прозрачностью и высокой степенью ориентированности, о чем свидетельствует определение *«Важнейшей чертой языковой перцепции является **пластичность образов, то есть способность их к всевозможным перевоплощениям**»* [4, с. 270]. Ярко выраженная особенностью этого термина — образование терминологической парадигмы производных с тождественным содержанием:

...конкретность и осязаемость, с которой нам представляется коммуникативный фрагмент, неотделимы от **пластичности** такого представления... [4, с. 132];

Каждая реализованная возможность развития, отменяя многие альтернативные ходы, вместе с тем вносит новые потенции развития, а значит, и новые потенции **пластического** преобразования исходного образа [4, с. 138];

...и **пластически** приспособлять их друг к другу так, чтобы они могли соединиться в целое высказывание [4, с. 64];

«Рыхлость» границ фрагмента, способность его **пластично** изменять очертания создает предпосылку для тех срастаний и растворов, которые происходят с ним в высказывании [4, с. 170].

Представляется, что в данном случае мы имеем дело не с одним термином, а с восходящим к одной метафоре терминологическим словообразовательным гнездом, доминантой которого является субстантив **пластичность**. Оно дает около 20 употреблений, рассредоточенных по всему тексту.

Еще одна особенность рассматриваемой метафоры-термина — распространенность сочинительной связи с другими метафорическими и неметафорическими компонентами языка для специальных целей: *вариативность, пластичность и открытость* [4, с. 103]; *бесконечное разнообразие и пластичность* [4, с. 114]; *аллюзионную пластичность и неопределенность очертаний* [4, с. 131]; *протеистически подвижным и пластичным* [4, с. 138]. В этих цепочках однородных членов высвечиваются различные стороны все той же *пластичности*, присущей языку как конгломерату памяти и коммуникативному фрагменту как его единице: множественность элементов, постоянная изменемость, неопределенность формы. Это особенно хорошо видно на следующем примере с общим определительным придаточным:

Ему [языку] <...> свойственна такая **емкость и пластичность**, что он оказывается способным вместить в себя любой наш опыт, любые задачи, которые нам приходится решать... [4, с. 101].

РЕЧЕВОЙ ШОВ. К базовым терминам концепции Гаспарова принадлежит терминологизированная метафора *речевой шов*, включенная в предметный указатель в шести мини-контекстах, соответствующих ее 19 употреблениям, но преимущественно с пропуском и подразумеванием атрибутивного компонента (*шов*). На первом этапе метафора-термин получает достаточно четкое, но краткое определение-мотивацию:

...суть предлагаемой здесь гипотезы состоит в том, что в условиях языкового существования важнейшим приемом создания более обширных речевых образований служит не соединение, но **сращение**, или «сшивание» исходных компонентов языкового материала. Мы будем называть то место в высказывании, по которому проходит такое сращение [коммуникативных фрагментов], **речевым швом** [4, с. 170].

Уже в этом контексте видно, что метафора, входящая в поле рассмотренного выше термина *речевая ткань*, также раздваивается. Ср. далее: **сшивание или сращение коммуникативных фрагментов** [4, с. 170].

В данном случае очень уместно обращение к фреймовой концепции метафоры в научном тексте: сложно организованный фрейм сферы-источника метафорического именованья реализует «способность актуализировать неоднородные ассоциативные связи» на протяжении всего текста или значительной его части и «дает возможность базовым языковым метафорам выступать в роли ключевых текстовых метафор» [10, с. 22]. Фрейму «ткань как артефакт» принадлежат такие компоненты ассоциативного поля, как *сшивать, сшивание, смещение смыслового рисунка на линии шва* [4, с. 170], фрейм «органическая ткань» реализуется в более разнообразных ассоциативных связях, а главное — в значительно большем количестве случаев: *наложить / накладывать шов* [4, с. 170, 173, 190, 216], *операция наложения шва* [4, с. 173], *сращение* [4, с. 170], *сращение* [4, с. 170], *гладкость шва* [4, с. 178, 190], *гладкий шов* [4, с. 170, 183]. В. Н. Телия связывает «выбор [автором] того или иного образа-мотива метафоры» «с тем или иным его миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих его картине мира» [13, с. 189]. Языковое существование, по Гаспарову, это жизнь человека в непрерывно изменяющейся, текучей, «живой» языковой среде, а такому пониманию соразмерна именно органическая метафора.

Ключевой характер терминологизированной метафоры *речевой шов* на последнем этапе ее активного употребления подкреплен сопоставлением с термином *синтаксическое соединение*, постепенно переходящим в развернутую дефиницию авторского термина:

Принципиальное отличие понятия **шва от синтаксического соединения** в традиционном смысле этого понятия состоит в том, что речь в этом случае идет не о соединении, но о **фузии составляющих компонентов, при которой эти компоненты теряют свою отдельность и каждый раз сплавляются в нечто, ощущаемое нами не как «построение», но как целое** [4, с. 186].

ЛАНДШАФТ. Ситуация с этой метафорой особенно сложна. Во-первых, в предметном указателе монографии, где представлены не столько термины, сколько идеи, понятия, присутствует только синтагма *«ландшафтный» характер коммуникативного пространства*, тогда как в тексте находим 13 синтагм с метафорическим компонентом **ландшафт** и его производным **ландшафтный**, которые имеют полное право именоваться терминологическими словосочетаниями: *языковой «ландшафт» / ландшафт* [4, с. 100, 132, 136], *коммуникативный «ландшафт» / ландшафт* [4, с. 106, 136], *ландшафты коммуникативного пространства* [4, с. 307], *ландшафт языковой среды* [4, с. 132], *ландшафт языковой памяти* [4, с. 119], *образный ландшафт* [4, с. 149, 263, 266, 270, 273, 279, 280, 288], *обширные ландшафты образных представлений* [4, с. 273], *ландшафт стихотворения* [4, с. 279], *ландшафтная симультанность и непрерывность* [4, с. 279], *духовный ландшафт* [4, с. 296], *мысленный ландшафт* [4, с. 298, 311], *смысловой ландшафт / «ландшафт»* [4, с. 142, 273, 309], *«ландшафтное» единство языкового мира* [4, с. 309].

Во-вторых, лексема **ландшафт**, встретившаяся на протяжении всего текста более 30 раз, функционирует не только как метафора, но в устаревшем (такова помета в словарях!) значении ‘общий вид местности; пейзаж’ [МАС] употребляется в составе обширного фрагмента, который предвзвещает введение окказиональной метафоры и заставляет обратиться к проблеме соотно-

шения аналогии, сравнения и метафоры. Столкновение прямого и пока еще осторожно завыченного переносного значений происходит уже при первом употреблении слова **ландшафт**: *...его [говорящего субъекта] свидетельство о том языковом «ландшафте», который проглядывает в его языковом сознании, может быть не более исчерпывающим, чем всякое описание ландшафта* (100). В данном случае автор делает первый шаг — указывает направление аналогии, которая затем должна стать основой метафоры.

Л. Л. Леоненко, изучающий соотношение аналогии и метафоры, пишет: «Научные метафоры обычно предполагают коммуникативную ситуацию, в которой приглашение к выводу подразумевает — как важнейший компонент — проверку границ применимости данной метафоры. Уточнение границ применимости сдвигает метафору в направлении аналогии, поскольку выявляет главные черты процедуры сравнения модели и прототипа метафоры» [6, с. 25]. Происходит следующий шаг — обширный фрагмент, построенный как развернутая аналогия-сравнение: как основа будущей метафоры он «учит ...извлекать признаки из предмета», по которым возможно осуществить метафорический перенос «ландшафт → языковая коммуникация», превращая «мир предметов в мир смыслов» [1, с. 18].

Приведем этот фрагмент целиком, так как, на наш взгляд, он представляет и методологический интерес:

Развертывание коммуникации можно сравнить с перемещением человека в окружающей его среде. Каждая такая прогулка имеет некоторую цель и совершается в определенном, более или менее ясно намеченном направлении. Но в то же время каждый конкретный шаг меняет для нас и общий вид открывающегося нам **ландшафта**, и ту микросреду, в которой нам предстоит сделать следующий шаг <...>. Если изъять какой-либо предмет — скажем, камень или растение — из **ландшафта**, естественной принадлежностью ко-

торого он является, и поместить его на полку среди других сходных с ними предметов, место которых относительно друг друга будет определяться согласно единому классификационному принципу — например, на основе их размера, формы, веса, цвета, — такой предмет приобретет характер фиксированного «элемента», имеющего определенный набор признаков и соответствующее место в классификационной системе. Но на своем естественном месте, в качестве части открытого и непрерывного **ландшафта**, наш камень не обладает ни полной вожделенностью из среды, ни постоянством функций. Он существует в проекциях на множество других компонентов **ландшафта**, близких и далеких, образуя вместе с ними то, что в нашем представлении складывается в различные образы пейзажа как целого. Очертания таких образов текучи: они изменяются с каждым изменением ракурса и освещения, с каждым включением в фокус внимания какого-нибудь нового компонента. В этом смысле оказывается невозможным четко регламентировать «функции», выполняемые нашим камнем в формировании того образа, в котором нам в тех или иных случаях, в ходе тех или иных наших действий предстает окружающий нас **ландшафт** [4, с. 112].

В тексте сталкиваются и постоянно взаимодействуют компоненты двух далеко отстоящих друг от друга фреймов: пейзажно-природного (*ландшафт, прогулка, направление, предмет, камень или растение, размер, вес, форма, цвет, очертания, образы пейзажа, ракурс, освещение*) и научного (*коммуникация, набор признаков, классификационный принцип, функция, элемент, компонент, проекция*). Но они накрепко «сшиваются» общими для обоих фреймов лексемами *среда, цель, шаг, изменение, фокус внимания, целое*, позволяя сделать третий шаг — завершить развернутую аналогию — выводом-сравнением: *Наше знание языка подобно такому ландшафту* [4, с. 112].

«Исключение из сравнения компаративной связки *как (подобен, точно, словно, будто, как будто)* или предикативов *подобен, сходен, похож, напоминает* часто считается основным приемом создания мета-

форы» [2, с. 353]. Действительно, после этого слово **ландшафт** используется только как метафора. И лишь ближе к концу Гаспаров дважды возвращается к этой аналогии, но уже в более лапидарной форме и помещая сравнение в постпозицию к лингвистическому объекту. Ограничимся одним примером:

Все вместе эти аспекты складываются в единый **мысленный ландшафт**, в перспективе которого для говорящего выступает переживаемый им в этот момент акт языковой деятельности; разделять и классифицировать по отдельности различные аспекты этой мысленной среды — все равно что пытаться описать впечатление от некоего **природного ландшафта** путем инвентаризации и классификации отдельных составляющих его компонентов, таких, как рельеф местности, почва, растительность, освещение, температура воздуха [4, с. 298].

Заметим, что в этом случае предметом аналогии становится **ландшафт** как географический термин (*Геогр.* Часть земной поверхности, для которой характерно определенное сочетание рельефа, климата, почв, растительного и животного мира и т. п. [11]).

И все же, в отличие от приведенных выше терминизированных авторских метафор, Гаспаров (по непонятной нам причине) не решает признать терминологичность этой, столь яркой, убедительной и явно любимой им метафоры, к восприятию которой читатель к тому же хорошо подготовлен. Об этой странности свидетельствует несколько обстоятельств:

- не только самое первое, но и следующее за мотивирующей аналогией и сравнением собственно метафорическое употребление слова дано в кавычках, что — наряду с двумя другими закавыченными лексемами в том же фрагменте — свидетельствует об условности номинации: *Общим для всех этих частиц является то, что они представляют собой не столько унифицированные строительные «кирпичи» <...> сколько индивидуализированные*

«предметы», сама фактура которых неотделима от принадлежности их к определенному коммуникативному «ландшафту»... [4, с. 106]; спорадически кавычки появляются и в дальнейшем (см. список сочетаний на с. 12);

- метафора *ландшафт*, являясь, как было показано, компонентом многих терминологических словосочетаний, не имеет собственной, необходимой термину дефиниции; приближается к определению лишь следующий контекст с перечислением признаков-предикатов: ...возникающие в представлении говорящих ландшафты коммуникативных пространств, в которые погружаются высказывания, имеют летуче-изменяемый, динамичный, дисконтинуальный характер [4, с. 307];

- более того, эта метафора подготавливает недвусмысленно четкое логическое определение базового термина *коммуникативное пространство*: Это придает процессу осмысливания высказывания разными говорящими отнюдь не основывающуюся на «общественном договоре» униформность, но взаимно узнаваемые черты, связанные с укоризненностью для них этого высказывания в сходном духовном ландшафте. Эту мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности, я буду называть коммуникативным пространством [4, с. 296]. На таком фоне синтагмы коммуникативный ландшафт и ландшафты коммуникативных пространств воспринимаются как плеонастические.

В то же время частота употребления метафоры *ландшафт* в составе терминологических словосочетаний и на протяжении всего текста свидетельствует о несомненной близости этого образа Гаспарову. Подтвердим это еще одной, последней, цитатой:

Претворение языковой ткани в образный ландшафт является тем критическим шагом, который превращает языковое высказывание в объект интерпретирующей мысли [4, с. 279].

Возникает, на наш взгляд, любопытная и нестандартная ситуация: метафора *ландшафт*, не став термином, регулярно используется Гаспаровым как синоним термина коммуникативное пространство. Она привлекательна своей конкретностью и образной выразительностью по сравнению с компонентом *пространство*, но, что особенно важно, обладает потенциальной способностью заменять составной термин при синтаксическом терминоподобии производных в пределах терминологического субполя.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает гипотезу о вовлечении Б. М. Гаспаровым окказиональных метафор в процесс образования авторских терминов, занимающих ключевые позиции в определенных фрагментах его метаидиолекта. Но в то же время — в силу ярко выраженной индивидуальности научного мышления этого ученого-филолога — степень их терминологичности неодинакова и часто ослаблена по сравнению со стандартами лингвистического научного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV. 896 с.

3. *Бурмистрова М. А.* Когнитивная метафора в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/kognitivnaya-metafora-v-nauchnom-tekste>
4. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
5. *Гогоненкова Е. А.* Метафора в науке: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/metafora-v-nauke-filosofsko-metodologicheskij-analiz>
6. *Леоненко Л. Л.* Метафора и аналогия // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 42. Вып. 1. Теория познания и логика. С. 23–34. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21748/1/uiro-2006-42-03.pdf>
7. *Мишанкина Н. А.* Метафорические модели лингвистического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 41–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-modeli-lingvisticheskogo>
8. *Мишанкина Н. А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 282 с.
9. *Плисецкая А. Д.* Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Материалы международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике». Варна, 1–7 сентября 2003 г. Варна, 2003. URL: <http://pandia.ru/text/78/091/86415.php>
10. *Резанова З. И.* Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984 [МАС].
12. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
13. *Фетисов А. Ю.* Терминологизация содержания метафоры в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. URL: <http://www.dissertcat.com/content/terminologizatsiya-soderzhaniya-metafory-v-nauch>
14. *Щерба Л. В.* Избранные труды по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

REFERENCES

1. *Arutyunova N. D.* Metafora i diskurs // Teoriya metaforyi: sbornik / per. s angl., fr., nem., isp., polsk. yaz.; vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoy; obsch. red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy. M.: Progress, 1990. S. 5–32.
2. *Arutyunova N. D.* Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: Yazyki russkoy kulturyi, 1999. I–XV. 896 s.
3. *Burmistrova M. A.* Kognitivnaya metafora v nauchnom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/kognitivnaya-metafora-v-nauchnom-tekste>
4. *Gasparov B. M.* Yazyk, pamyat, obraz. Lingvistika yazykovogo suschestvovaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 348 s.
5. *Gogonenkova E. A.* Metafora v nauke: filosofsko-metodologicheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/metafora-v-nauke-filosofsko-metodologicheskij-analiz>
6. *Leonenko L. L.* Metafora i analogiya // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 42. Vyip. 1. Teoriya poznaniya i logika. S. 23–34. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21748/1/uiro-2006-42-03.pdf>
7. *Mishankina N. A.* Metaforicheskie modeli lingvisticheskogo diskursa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 324. S. 41–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-modeli-lingvisticheskogo>
8. *Mishankina N. A.* Metafora v nauke: paradoks ili norma? Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2010. 282 s.
9. *Plisetskaya A. D.* Metafora kak kognitivnaya model v lingvisticheskom nauchnom diskurse: obraznaya forma ratsionalnosti // Materialy mezhdunarodnoy konferentsiya «Kognitivnoe modelirovanie v lingvistike». Varna, 1–7 sentyabrya 2003 g. Varna, 2003. URL: <http://pandia.ru/text/78/091/86415.php>
10. *Rezanova Z. I.* Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funktsionirovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2007. № 1. S. 18–29.
11. Slovar russkogo yazyika: v 4 t. / pod red. A. P. Evgenevoy. M., 1981–1984 [MAS].

12. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol v sozdanii yazyikovoy kartiny mira // Rol chelovecheskogo faktora v yazyike. Yazyik i kartina mira. M.: Nauka, 1988. S. 173–204.

13. Fetisov A. Yu. Terminologizatsiya sodержaniya metaforiy v nauchnom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2000. URL: <http://www.dissertcat.com/content/terminologizatsiya-soderzhaniya-metaforiy-v-nauch>

14. Scherba L. V. Izbrannyye trudy po russkomu yazyiku. M.: Uchpedgiz, 1957. 188 s.

Л. Б. Смирнов, Е. Д. Проценко

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В статье излагаются особенности преподавания и изучения учебной дисциплины «Уголовно-исполнительное право». На фоне формирования нового уровня социальной, профессиональной и юридической культуры сотрудников правоприменительной и правоохранительной сферы деятельности является исключительно важной задачей обладания высоким уровнем знаний и навыков в области исполнения уголовных наказаний. Такая задача достигается с помощью изучения учебной дисциплины (курса) «Уголовно-исполнительное право» путем углубленной проработки теоретических положений, правового регулирования исполнения уголовных наказаний, овладения обучающимися научными методами исследования, формирования навыков самообразования.

Ключевые слова: право, обучающиеся, уголовно-исполнительное право, система курса, учебная дисциплина.

L. Smirnov, E. Protsenko

UNIQUE FEATURES OF TEACHING AND STUDYING PENITENTIARY LAW

The article looks into the ways in which teaching and studying Penitentiary Law is different from other legal disciplines. Given the new level of social, professional and legal culture of law enforcement officials, it is highly important to possess a high level of knowledge and skills in the area of criminal punishment administration. This goal is achieved by the «Penitentiary Law» course, where students master the theory and regulations covering the administration of criminal punishment, as well as academic research and self-study skills.

Keywords: law, students, Penitentiary Law, course curriculum, academic discipline.

Уголовно-исполнительное право является одной из учебных дисциплин уголовно-правового цикла в высших учебных заведениях, обучающихся по специальности правоведение и юриспруденция. Изучение учебного курса «Уголовно-исполнительное право» выступает необходимым компонентом в подготовке будущих специалистов в сфере социального контроля за преступностью.

Уяснение содержания уголовно-исполнительного права, тенденций его развития, в том числе на современном этапе, является основной задачей изучения рассматриваемого курса.

В результате изучения учебного курса «Уголовно-исполнительное право» у обучающихся должны быть сформированы общекультурные и профессиональные компетенции.